

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

УДК 391

ОДЕЖДА И ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БУХАРСКОГО ОАЗИСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНРИ МОЗЕРА

Д.Х. Гаффорова

Независимый исследователь

Ташкент, Республика Узбекистан

d.gafforova41@gmail.com

В статье анализируются представления швейцарского ориенталиста и коллекционера Анри Мозера об этнографии населения Бухарского оазиса. Основное внимание уделено его описаниям одежды высших слоев эмирата, предметов вооружения и дворцовому этикету при эмире Музаффаре. Источниками исследования стали фотографии, сочинения А. Мозера, каталоги экспонатов восточного собрания в Бернском историческом музее. Анализ сочинений А. Мозера позволяет выявить некоторые особенности трансформации взглядов бухарского эмира на ношение роскошной по тем временам одежды. Также выявляются черты узбеко-таджикского культурного симбиоза, нашедшего отражение в использовавшейся терминологии, обозначавшей предметы одежды и вооружения в Бухарском оазисе.

Ключевые слова: Бухара, одежда, материальная культура, вооружение, музейные коллекции, ориентализм

Для цитирования: Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 82–95. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.82-95>

Во второй половине XIX в. наблюдается повышение научного интереса в странах Западной Европы к местным обществам и культурам Средней Азии, что было связано с завоеванием региона Российской империей. В Туркестанское генерал-губернаторство устремился поток путешественников, этнографов, археологов, историков, включая англичан, немцев, французов, американцев, датчан, бельгийцев, итальянцев, швейцарцев и др. (Holzwarth 2015: 78). Интерес к богатой и малоизученной культуре среднеазиатских народов и исследование ресурсного потенциала региона привели к появлению огромной информативной базы. Отчёты по итогам

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

экспедиций, рапорты, очерки, коллекции, а также научные работы на сегодняшний день являются важными, но малоизученными источниками в отечественной историографии.

Традиции европейских коллекций после XVII в. были разделены по категориям: *artificialia* (художественные произведения), *naturalia* (природные образцы), *exotica* (редкости и диковинки из отдаленных стран) и *scientifica* (научные инструменты) (Ананьев 2018: 32–33). В Европе наблюдался значительный интерес к антиквариату, что стало причиной большого потока европейских путешественников, археологов, востоковедов в Среднюю Азию. Они скупали предметы на местных рынках (Gorshenina 2004: 18). Материальные предметы стали важнейшим источником многих дисциплин, в том числе истории и этнографии.

Список ученых, изучавших оазисы Центральной Азии, довольно велик. Можно выделить исследования Ю. Скайлера (1840–1890) (Schuyler 1876), англичанина Г. Ланселла (Lansdell 1885) и др. Подробный анализ путешествий европейских исследователей в Туркестан проведен С. Горшениной (Gorshenina 2003).

Одним из известных меценатов, востоковедов, коллекционеров был Анри Мозер (Henri Moser-Charlottenfels) (1844–1923). Он родился в 1844 г. в Санкт-Петербурге в семье предпринимателя из Швейцарии Хайнриха Мозера. В 1848 г. семья Мозера возвращается в Швейцарию, где А. Мозер получает начальное и высшее образование. С 1866 г. Анри Мозер стал самостоятельно управлять филиалом по продаже часов в Санкт-Петербурге. Однако после конфликта с отцом он решил не продолжать семейное дело и всецело посвятить себя исследованию восточных стран, в том числе Средней Азии. В 1868 г. А. Мозер посещает трехмесячные курсы по изучению обычаев и языка киргизов (казахов. – прим. авт.) в Оренбурге. Таким образом, в восприятии мусульманского Востока А. Мозер оказался под влиянием разных ориенталистских традиций: западноевропейской и российской.

Как отмечал Э. Саид, без исследования ориентализма в качестве курса невозможно понять дисциплину, при помощи которой европейская культура могла представлять Восток – политически, социологически и идеологически (Саид 2006: 10). Если для западноевропейских исследователей Средняя Азия являлась каким-то далеким экзотическим регионом, то для российских востоковедов, это был «собственный Восток» (Тольц 2015: 336). Как отмечает Н. Найт, каждое общество имеет свой образ «другого» и описывает группы, существующие вокруг нее, в терминах, сформулированных как противоположность представлениям этой культуры о себе самой (Найт 2005: 338). Образ одной и той же группы мог быть различным, существовали определенные стереотипы по отношению к оседлому мусульманскому и кочевому населению (Uyama 2012: 15–21).

Решающим моментом в принятии А. Мозером роли ориенталиста и писателя, была поддержка известного ориенталиста-тюрколога Арминия

Вамбери, который советовал коллеге «отложить на время природу солдата и идти в писатели, любой ценой» (Balsiger, Kläy 1992: 172).

Анри Мозера можно рассматривать в качестве первого коллекционера, который открыл широкой публике Европы искусство и культуру Центральной Азии. Если первые выставки, организованные им, были предназначены для местных жителей Шарлоттенфельс и его знакомых, то уже в 1888 г. Мозер презентует свою коллекцию в Штутгарте (Balsiger, Kläy 1992: 174–175). Следующая значимая выставка Мозера и знакомство европейцев с центрально-азиатской культурой состоялась в Париже в 1893 г. благодаря выставке «L'art Musulman à Paris». Участие на этой выставке принесло Мозеру золотую медаль (Balsiger, Kläy 1992: 178).

В 1887 г. на публикации Мозера обращает внимание В. Тимошук (переводчица, сотрудница редакции журнала «Русская старина» в 80–90-е годы XIX в.). Она лично знакомится с А. Мозером, получает у него дополнительный материал в виде гравюр и иллюстраций, которые публикует в нескольких номерах журнала «Русская старина» (В странах 1888: 602–626). В них дается обзор книги Мозера (Moser 1885).

В начале XX в. изучением коллекции Мозера занялся заведующий этнографического отдела Бернского исторического музея Рудольф Целлер. Итогами его исследований стали несколько сочинений (Zeller 1923; Zeller 1932). Биография и деятельность А. Мозера, описание его восточной коллекции, его путешествий и жизни в Средней Азии были подробно изучены историками Р.Н. Балзингер (Balsiger, Roger Nicholas) и Э. Клэем (Klaey E.J.). В дальнейшем те или иные аспекты деятельности А. Мозера были предметом исследования С. Горшениной, Б. Сиддикова (Sidikov 2003). В 2005 г. на коллекцию Мозера в Бернском историческом музее обращают внимание историки из Казахстана. Вследствие чего была организована археографическая экспедиция с целью изучения их как источника по истории казахов (Болдырев 2018).

Предметом нашего исследования стал вклад А. Мозера в изучение одежды и предметов вооружения высших слоев эмирата и населения Бухарского оазиса, для которого издревле была характерна полиэтничность, а в рассматриваемый период здесь жили таджики, узбеки, арабы, иранцы, евреи, туркмены, казахи, индусы, татары и др. Они находились в тесном взаимодействии и взаимовлиянии друг с другом, особенно был уникален узбеко-таджикский этнокультурный симбиоз. Из узбекских родов в регионе доминировали мангыты и кунграты (Маликов 2018: 216).

Основными источниками стали мемуары Мозера о путешествии в Среднюю Азию. Сначала они были опубликованы в качестве записок путешественника в женевской газете «Journal de Geneve», а затем последовали публикации в немецком журнале GLOBUS. Первая книга по итогам трёх экспедиций в Среднюю Азию А. Мозера была издана в Париже на французском языке (Moser 1885), а позже на немецком языке в Лейпциге (Moser 1888). Данный труд, хотя является важным историческим источни-

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

ком при изучении истории Средней Азии XIX в., не был переведен на русский или узбекские языки. Б. Сидиков характеризует вышеуказанный труд Мозера как «...один из самых ярких и занимательных описаний жизни людей в Центральной Азии...» (Sidikov 2003: 193).

Итогом экспедиций А. Мозера стали научные труды, очерки, большая коллекция предметов искусства, фотографий, охотничьих трофеев, документов и особенно оружия. Богатую и уникальную коллекцию Анри Мозера перед своей смертью передал Бернскому историческому музею.

В феврале 2020 г. автор статьи посетил Бернский исторический музей, этнографическая коллекция которого насчитывает около 60000 предметов со всего мира, датируемых примерно с 4000 г. до н. э. и до наших дней. Первоначальные коллекции поступили в Берн еще в XVII–XVIII вв. Многие из предметов принадлежали коллекционерам, которые жили за границей или много путешествовали. Среди них был А. Мозер, который собрал значительную коллекцию этнографических предметов и оружия. Он завещал их музею в 1914 г. Эта третья по величине этнографическая коллекция в Швейцарии (Ethnographical collection 2020). Предметы, собранные Мозером, хранятся в «Отделе восточного собрания Мозера» (Orientalische Sammlung Henri Moser). Для постоянной экспозиции выделен сравнительно большой зал, оформленный в восточном стиле. Стены, ниши и декор напоминают средневековые медресе Самарканда или Бухары. Искусствовед Катрин Кауфманн, изучая восточные мотивы выставочного зала «Отдел восточного собрания Мозера» в Берне, охарактеризовала стиль как нео-тимуридский. Зал был построен и декорирован французским архитектором, знатоком мусульманской архитектуры и автором труда «Manuel D'Art Musulman» Анри Саладином в 1917–1922 гг. Архитектор опирался на личные рекомендации Мозера, а также на предоставленные Мозером фотографии архитектурных сооружений Гур-и Эмир и Шах-и Зинда в Самарканде (Kaufmann 2019: 142–162).

Основными предметами постоянной экспозиции в Бернском музее являются различные виды восточного холодного оружия (сабли-шамширы, ножи-пичаки и др.) XVI–XIX вв. из Туркестана, Ирана, Афганистана, Кавказа, Османской Турции и Индии. Предметы домашней утвари и посуды представлены медными кувшинами, лампами, кумганами, чилимом. Некоторые предметы имеют подробное описание места приобретения, датировки и даже имена мастеров. Например, приобретённый в Самарканде кумган изготовлен в 1842 г. мастером Усто Салах ал-Дин Самарканди, а кумган из Бухары является работой Устод Тагая. Так же выставлены украшения и элементы декора одежды, особенной красотой отличается мужской пояс – камарбанд из Бухары XVIII–XIX вв. Все изделия ручной работы с богатой и красивой отделкой. В этом зале выставлена всего лишь малая часть из общей коллекции А. Мозера, остальная часть коллекции по словам сотрудников музея находится в хранилище музея, к которому нет публичного доступа.

Для анализа предметов материальной культуры, собранных А. Мозером по Бухарскому оазису, полезными являются концептуальные подходы по культурной истории. В частности, материальная культура может быть использована для сохранения социальной информации и образует символическую среду для социальной практики. Предметы материальной культуры можно рассматривать как своего рода текст, форму овеществленного и объективированного выражения дискурса (Tilley 1994: 70). Записи Мозера во многом дополняют картину и проливают свет на процесс трансформации традиционных представлений бухарцев об одежде.

Путешествия А. Мозера в Бухару

А. Мозер в 1868–1889 гг. четыре раза посетил страны Средней Азии, а Бухару два. Исходя из традиций европейского востоковедения описания восточных народов, исследователь красочно и увлекательно описывает свои путешествия, приёмы у ханов и эмиров, нравы и обычаи народов (Moser 1888: 138). Анализ книг Мозера показывает, что по сравнению с Бухарой или русским Туркестаном он дает более подробные сведения о Хорезме. В Бухаре он впервые оказывается в 1870 г. вместе с российским посольством. Второй раз он совершает сюда путешествие в 1883 г.

В 1868 г. Бухарский эмират потерпел поражение от войск Российской империи и оказался под ее протекторатом. В мае 1870 г. Туркестанский генерал-губернатор фон-Кауфман отправил очередное посольство во главе с полковником Носовичем в Бухару. Вместе с посольством в Бухару для заготовления шелковичного семени отправился купец 1-й гильдии А. Мозер (Носович 1898а: 271–272). В июне 1870 г. миссия прибыла в Бухару. Носович в своем отчете приводит сведения о Мозере. Так, 10-го июня Мозер беседовал с близким к бухарскому эмиру татаринном Каратаевым (Носович 1898б: 640–641).

Первая поездка Мозера в Бухару в 1870 г. дает меньше информации, так как первые три недели ему пришлось провести в караван-сараях, окруженном высокими стенами и под охраной солдат эмира (Moser 1888: 136). Несмотря на эти условия Мозер стремился посетить базары, делать самостоятельные покупки и общаться с местным населением.

Влияние российского ориентализма в творчестве А. Мозера проявилось, в частности, в применении терминов, которые местное население Бухары не использовало. Как подчеркивал С. Абашин, отдельные российские востоковеды и представители администрации пытались создать воображаемую народность под именем «сарты» (Абашин 2016: 207–234). Этот дискурс оказал влияние на Мозера, который использовал термин *сарт* как один из вариантов обозначений бухарцев, хотя бухарцы сами себя так не называли (Маликов 2018: 85).

Мозер два раза лично встречался с бухарским эмиром Музаффаром (1860–1885) и дает ценные сведения о нем. Интересны сведения об ини-

циативе эмира Музаффера снять его фотографию для того, чтобы отправить ее российскому императору. К посланникам обратился Каратаев «с просьбою от эмира, не найдется ли кто среди нас умеющий снимать фотографию, так как здесь имеется аппарат и все материалы» (Носович 1898б: 646–647). Уникальный снимок бухарского эмира Музаффера так же сохранился благодаря деятельности Мозера, по снимку 1870 г. швейцарский художник Жак Альфред ван Мейден нарисовал портрет эмира тушью (Balsiger, Kläy 1992: 24). Изображение эмира Музаффера, датируемое 1883 г., приводится в книге Мозера (Moser 1888: 149). Бухарские орден на халате эмира показывают, что второй снимок сделан после 1881 г., когда впервые был учрежден первый бухарский орден.

Во время визита в Бухару А. Мозеру удалось тайком побеседовать с личным врачом эмира Музаффера, который был поляком по происхождению. Во время беседы на французском языке врач рассказал ему о своей драматичной судьбе, об учебе в медицинском факультете в Варшаве, участии в революции, о ссылке в Сибирь, о побеге оттуда и попадании в плен. Хотя он оказался в Бухаре благодаря знаниям в медицине и стал врачом-хакимом при дворе, но оставался в положении пленника. Врач вручил ему рукопись об истории своей жизни, написанной на таджикском языке латинским шрифтом. С врачом Мозер больше не виделся, а рукопись позже отдал на перевод Арминию Вамбери. О дальнейшей судьбе этой рукописи Мозер умалчивает (Moser 1888: 162).

12 октября 1883 г. Мозер выехал в Бухару во второй раз снова в составе дипломатической делегации от российского императора. Мозер подробно описывает гостеприимство сына одного бека в пограничном городке Ширин-Катун. Он писал: «В самой большой комнате, куда нас ввели, был накрыт длинный стол; перед ним на почетном конце стояло кресло, обитое бархатом, на которое уселся князь...» (В странах 1888: 613–614). На столе стояло до 50 фаянсовых и металлических блюд с миндалем, виноградом, кишмишем, фисташками, абрикосами. Посланцам были даны подарки от эмира и его окружения (В странах 1888: 613–614).

При описании церемонии принятия дипломатического корпуса эмиром Музаффаром 18 октября 1883 г., Мозер подробно описывает этикет при дворе Бухарского эмира. Судя по фотографиям, прием происходил в бухарском дворце Шербудин (54 phot. de Boukhara 2018), который, к сожалению, был уничтожен в советский период. Полученные во время приёма щедрые подарки, богато запряжённая лошадь и 10 халатов (чапаны) также пополнили «Восточное собрание» Мозера. При прощальной аудиенции эмир согласился сфотографироваться и, более того, вручил А. Мозеру орден «Звезда Бухары» второй степени. Эта награда и многие другие великолепные изделия мастеров Зеравшанской долины XVIII–XIX вв. были пожертвованы Мозером историческому музею Берна.

Щедрые подарки Мозер получал не только от эмира, но и от высокопоставленных подданных Российской империи. Вспоминая о подарках

генерала Абрамова, он писал: «Когда я покидал страну в 1870 г., генерал Абрамов, губернатор Самарканда, предложил мне выбрать из военных трофеев седельное снаряжение, украшенное бирюзой, или огромный Коран, похищенный из [Мечети Биби-ханым] в Самарканде» [Moser 1912: 4].

Таким образом, двухкратные личные встречи А. Мозера с эмиром Музаффаром дали возможность относительно близко узнать повелителя Бухары и некоторых его придворных.

Одежда сановников эмира

Описание одежды, оружия, убранство лошадей бухарцев, приведенные Мозером, представляют ценный этнографический материал. Он упоминает большое количество терминов: титулы, название оружий, одежды и др. Отдельную ценность имеют портреты высокопоставленных чиновников, фотографии женщин в нарядных национальных костюмах, дервишей, простых обывателей и базаров, сделанные непосредственно самим Мозером. Несмотря на ярко выраженную европоцентрическую точку зрения, автор выражает разные взгляды в описании народов Средней Азии. Он приводит пример о том, что среди туркмен в его кибитке ни разу ничего не пропало, несмотря на то что ему были известны разбои и грабежи. Сидиков так же отмечает нейтральный тон Мозера (Sidikov 2003: 267). Женщин туркмен рода *Теке* Мозер называет самыми статными и красивыми. Согласно Мозеру туркмены были лучшими солдатами Хивинского Ханства (Moser 1888: 264). Он дает этнографическое описание индусов Бухары, «которые приезжают сюда из Пендшаба и занимаются ростовщицеством. У них гладкие волосы, очень желтый цвет лица, на лбу глубоко врезанный ярко окрашенный след в форме пламени или треугольника. Поскольку они никогда не берут женщин с собой, они живут вместе в своих караван-сараях, которые называются Мултани. После десяти-пятнадцати лет в городах Центральной Азии они возвращаются домой» (Moser 1888: 137).

Высшие сановники бухарского двора были одеты сообразно своим чинам; более мелкие чиновники носили халаты из канауса, шелка всех цветов, атласа, бархата или кашемира, а высшие сановники – парчевые халаты; у всех на голове были белые чалмы (Moser 1888: 148).

Исследователи отмечали кризис легитимности власти бухарского эмира после поражения 1868 г. Эмир стремился компенсировать эту проблему, в частности, через помпезные празднования Навруза в Бухаре (Маликов 2020: 122–126). Видимо, политический фактор сыграл свою роль и в динамике изменений по отношению к роскоши при дворе эмира. Мозер, сравнивая два периода пребывания в Бухаре, отмечает строгость соблюдения традиций и консервативность города 1870 г. по сравнению с новыми нравами 1883 г. Так, например, он говорит о традициях одежды: «Законы о роскоши одежды строго соблюдаются. Один из наших слуг получил шелковый чалат, которым он гордился. Однажды он даже осмелился на-

деть красивое платье. Однако ему сказали от имени эмира, что он не имеет права носить такой халат. Между прочим, такое нарушение дресскода здесь так же неправильно, как если бы кто-то из нас осмелился надеть орден, не принадлежащие ему» [Moser 1888: 179].

Через 13 лет Мозер дает описание другого типа костюма бухарского эмира Музаффера. «Во время прежних аудиенций он надевал халаты, более или менее разукрашенные драгоценными камнями; этот же раз он надел на себя мундир, и, по правде сказать, мундир в высшей степени фантастичный. ...на груди, справа и слева, виднелись звезды св. Станислава и св. Анны, украшенные алмазами, а между ними висела бухарская звезда – орден, учрежденный недавно по случаю коронации русского императора и украшенный бриллиантом величиною в голубиное яйцо» (В странах 1888: 618–619). Мозер отмечал элементы модернизации в Бухаре, оказавшейся под российским протекторатом: «Мозаффар-эд-Дин, защитник ислама...который казнил бухарского купца, потому что он был одет в шелковую рубашку, привезенную из России, этот самый Музаффар сегодня носит российскую форму, как хороший чиновник. Когда-то эмир сотрясаясь от негодования, если было только произнесено христианское имя, сегодня у него в столице есть телеграфное бюро, которое работает с помощью тех же христиан» (Moser 1888: 179). Таким образом, исследователь зафиксировал трансформацию взглядов высших кругов Бухары на стиль одежды местных мусульман.

В Бухаре Мозер описывает чиновников высшего двора бухарского эмира. «Эта важная личность (*инак* – прим. авт.) носила бархатный халат, расшитый золотыми солнцами размером с десертную тарелку; вышитая звезда закрывала спину, которая занимала всю ширину одежды между плечами и доходила до пояса... Чтобы придать чалме форму, предполагаемую модой, муслин (кисея) совершила 40 кругов вокруг головы. Инак ездит на великолепном сером жеребце, который почти полностью покрыт вальтрапом (*chabraq*), расшитым золотом и мелким жемчугом. Уздечка сделана из чистого золота и украшена драгоценными камнями» (Moser 1888: 145). При дворе были собраны чиновники *махрамы* (адъютанты), которые носили маленькую мотыгу с инкрустированным золотом стеблем; шарбатдары (держачие кубок), офтобачи. Некоторые из этих офицеров были оснащены *кард* (нож – перс.) – большим ножом в золотой оболочке. Парвоначи (старшие офицеры) носили почетную саблю, которая, как и *кард*, являлась наградным украшением (Moser 1888: 147). Знаками высшего отличия также являлись флаг и туг; однако последняя награда присуждалась только в исключительных случаях. Мозер отмечал, что «все эти сановники и чиновники одеты в соответствии с их должностью. Подчиненные носят халаты из «канауса», разноцветного шелка, атласа, бархата или кашемира; высшие чины носят золотые парчовые халаты, иногда с кашемировым платком в виде пояса вокруг поясницы; все носят белый тюрбан без разбора» (Moser 1888: 148). В фотографическом альбоме Мозера представлена и верхняя женская одежда бухарцев: паранджа, платье,

тубетейки, ювелирные украшения. (54 phot. de Boukhara 2018). Альбом и записи Мозера дают подробную картину этикета нарядов при дворе, а также отражение социально-политического статуса в костюмах Бухарского эмирата XIX в.

Предметы вооружения бухарцев

Во второй половине XIX в. бухарские вооруженные силы состояли из профессионального пехотного корпуса сарбазов и кавалерии (Holzwarth 2015), состоявшей из узбекских и туркменских отрядов. Внимание Мозера привлекло традиционное оружие бухарцев в виде ножей, сабель, пик. Он дает следующую характеристику бухарскому войску: «...войско казалось прекрасно дисциплинированным, солдаты были одеты безукоризненно; оказывается, что солдаты уже о детства начинают изучать сигнальные знаки, коих насчитывают до 150; пятнадцати лет они поступают в армию волонтерами и служат до 20-летнего возраста» (В странах 1888: 620–621).

В книге Мозера дается интересное описание символа власти в Бухаре – кнута Рустама. «По пути через узкий коридор (в цитадели) я замечаю кнут необычно большого размера в очень видном месте, который висит рядом с деревянной дубинкой Геракла. Кнут имеет короткую основу, ремень толщиной с мужскую руку примерно в 7 футов и прикреплен к сырому куску дерева, в который вбиты с одинаковым промежутком, большие железные гвозди. Как говорит наш переводчик, согласно легенде, этот кнут служил оружием легендарному герою Рустему; а дубинка происходит из Мекки» (Moser 1888: 153).

В каталоге А. Мозера (Moser 1912) помещено изображение бухарского всадника, одетого в высшее почетное одеяние – халат из малинового бархата с богатой золотой вышивкой и кашемировым тюрбаном. Пояс украшен вставками (перегородчатая инкрустация) из бирюзы. Кинжальный бухарский нож *кард*, с рукоятью из рога яка и серебряной ножны с позолотой, а также *шамшир* (сабля – перс.) – почетное оружие, которым эмир Бухары награждал своих сановников. На груди всадника Звезда первой степени Бухары. Зеленая бархатная уздечка также богато украшена вставками из бирюзы. *Чабрак* (вальтрап, потник) из красного бархата вышит золотом. После приема почётных гостей эмир Бухары имел обыкновение одаривать их в зависимости от их должности одной или несколькими лошадьми, с полным снаряжением, саблями, ножами и халатами, которые вручались на торжественной церемонии (Moser 1912: 9).

Отдельную и самую многочисленную категорию оружия, помещенную в фотографическом альбоме А. Мозера, составляют ножи, которые он делил на бухарские, украшенные различным орнаментом, красивыми ножнами и более простые туркменские (54 phot. de Boukhara 2018). В числе полученных А. Мозером предметов от бухарского эмира можно упомянуть кинжал или кард из Бухары (Moser 1912: 13). Клинок с широкой спиной, массивная

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

рукоятка которого сделана из рога яка, ножны из позолоченного рельефа, горловина и оковка наконечника ножен из бирюзовой клуазоне. Другой кинжал, назван *пичаком* (нож – узб.). Он с моржовым зубом, инкрустированный золотом. Ножны из позолоченного ажурного серебра, на подкладке из красного бархата. В каталоге под номерами 350, 351, 352 представлен набор бухарских ножей, состоящий из цветного шелкового пояса для подвешивания, большого кинжального ножа (*пичака*), маленького ножа и точильного камня. Ручки сделаны из рога яка с черненой серебряной фурнитурой и украшены бирюзой, ножны из шагреновой кожи с серебряной фурнитурой. *Пичаки* были разного типа, например, бухарский кинжал (*пичак*) с бархатными и шелковыми подвесками. Ручка из рога яка украшена бирюзой и шлифованным сердоликом. Зеленая бархатная оболочка с серебряной фурнитурой. Такой же *пичак* с рукояткой из моржового зуба. *Пичак* под номером 347 похожий на предыдущий, с тисненой серебряной оболочкой с филигранной и бирюзовой отделкой. *Пичак* под номером 348 с прямым лезвием, рукояткой из рога яка и серебряной оболочкой с остатками непрозрачной эмали. *Пичак* под номером 342 с ручкой из лазурита с заклепочными головками из эмали, ножны из серебра с богатой чеканкой. Древковое оружие представлено номером 666 под названием *найза* или пика с коротким стержнем и остатками серебряной инкрустации. Оно служило оружием бухарской полиции (Moser 1912: 16). Предметы материальной культуры бухарцев, собранные А. Мозером и их интерпретации, во многом дополняют музейные каталоги, публикации и коллекционные собрания современных музеев Узбекистана и Российской Федерации.

В заключении надо отметить, что, наследие Анри Мозера в виде материальных предметов и сочинений представляют большую ценность при исследовании истории и искусства среднеазиатских регионов, в частности при изучении исторической этнографии населения Бухарского оазиса. Благодаря наблюдательному А. Мозеру выявляется трансформация взглядов двора бухарского эмира на ношение видов одежды, украшений. Эти изменения были обусловлены влиянием модернизации, возникшей после установления российского протектората в Бухарском эмирате. Сам Мозер оказался под влиянием европейского и российского ориентализма, что проявилось в использовании термина *сарт* как экзотонима, которое использовали некоторые российские востоковеды и чиновники. Для населения Бухарского оазиса это самоназвание было чуждым и не применялось им. Исследования А. Мозера позволили выявить некоторые проявления узбеко-таджикского культурного симбиоза, полиэтничности населения, нашедшие отражение в использовавшейся терминологии по отношению к предметам одежды и вооружения.

Благодарность: автор благодарит Маликова Азима Манноновича (Университет Палацкого в Оломоуце, Чешская Республика) за наставничество при выполнении работы.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Болдырев 2018 – Болдырев О. Анри Мозер и его вклад в политическую историю Казахстана. 22.07.2018. <https://www.swissinfo.ch/rus/анри-мозер-и-его-вклад-в-политическую-историю-казахстана/44268020> (Дата обращения 07.05.2020).

В странах 1888 – В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882–1883 гг. // Русская старина. 1888. № 3. 1888. С. 605–626.

Носович 1898а – Носович С. Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. № 8. 1898. С. 271–290.

Носович 1898б – Носович С. Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. № 9. 1898. С. 629–650.

54 phot. de Boukhara – 54 phot. de Boukhara et de Khiva (Turkestan russe), en 1883–1884, par Henri Moser, donateur en 1888. 01.10.2018. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53174385q.item> (Accessed 27.06.2020).

Ethnographical collection – Ethnographical collection of Bern Historical Museum. <https://www.bhm.ch/en/collections/ethnographical-collection/> (Accessed 03.04.2020).

Lansdell 1885 – Lansdell H. Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 1. London, 1885.

Moser 1885 – Moser H. A travers L'Asie centrale. La Steppe Kirghize; Le Turkestan Russe; Boukhara; Khiva; Le Pays des Turcoman et la Perse. Impressions de voyage. Paris, 1885.

Moser 1888 – Moser H. Durch Central-Asien. Die Kirgisensteppe, Russisch-Turkestan – Bochara – Chiwa, das Turkmenenland und Persien. Reiseschilderungen. Leipzig, 1888.

Moser 1912 – Moser H. Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Orientalische Waffen und Rüstungen. Leipzig, 1912.

Schuyler 1876 – Schuyler E. Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bukhara and Kuldja. Two volumes, London and New York, 1876.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абашин С.Н. «Сарты – народ с будущим»: этнография и империя в русском Туркестане // Ориентализм vs. Ориенталистика. Москва: Садра, 2016. С. 207–234.

Ананьев Е.Г. История зарубежной музеологии. Идеи, люди, институты. М., 2018.

Атанова С. Анри Мозер. В краю туркмен (Henri Moser, Le pays des Turkomans). Извлечение из части книги «...Le Pays des Turcoman...». <https://www.caa-network.org/archives/19270> (Дата обращения 25.02.2020).

Маликов А.М. Тюркские этнонимы и этнотопонимы долины Зеравшана (XVIII – начало XX в.). Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2018.

Маликов А.М. Празднование Навруза в Бухаре и Самарканде в ритуальной практике и общественных дискурсах (вторая половина XIX – начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т.48, №2. С. 122–129.

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–344.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции востока. М., 2006.

Тольц В. Собственный Восток России. Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Balsiger R.N., Kläy E.J. Bei Schah, Emir und Khan: Henri Moser Charlottenfels, 1844–1923. Meier Verlag Schaffhausen, 1992.

Gorshenina S. Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart. Genève: Olizane, 2003.

Gorshenina S. The Private Collections of Russian Turkestan. Berlin, 2004.

Holzwarth W. Bukharan Armies and Uzbek Military Power, 1670–1870: coping with the legacy of a nomadic conquest // Franz, Kurt; Wolfgang Holzwarth (eds.), Nomadic Military Power: Iran and adjacent areas in the Islamic period. Wiesbaden: Reichert, 2015.

Kaufmann K. Samarkand in der Bundeshauptstadt – ein Ausstellungssaal im neotimuridischen Stil für die Sammlung Henri Mosers im Bernischen Historischen Museum // Francine Giese, Leïla el-Wakil und Ariane Varela Braga (Hrsg.), Der Orient in der Schweiz. Neo-islamische Architektur und Interieurs des 19. und 20. Jahrhunderts / L'Orient en Suisse. Architecture et intérieurs néo-islamiques des 19e et 20e siècles, Berlin, 2019, S. 142–162.

Sidikov B. Eine unermessliche Region. Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914). Berlin, 2003.

Tilley C. Interpreting material culture in Interpreting Objects and Collections. Edited by Susan M.P. London and New York, 1994.

Uyama T. Mutual relations and perceptions of Russians and Central Asians: preliminary notes for comparative imperial studies // Empire and after: essays in comparative imperial and decolonization studies / ed. by Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2012. Pp. 15–21.

Zeller R. Führer durch die orientalische Sammlung von H. Moser-Charlottenfels und die Völkerkundliche Abteilung des Bernischen historischen Museums. Bern, 1923.

Zeller R. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog. Bern, 1932.

Сведения об авторе: Гаффорова Дилбар Хасановна – магистр истории, независимый исследователь (Ташкент, Узбекистан); d.gafforova41@gmail.com

Поступила 23.09.2020

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

**CLOTHING AND WEAPONS OF THE BUKHARA OASIS POPULATION
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
IN THE REPRESENTATIONS OF HENRY MOSER**

D.Kh. Gafforova

Independent researcher

Tashkent, Uzbekistan

d.gafforova41@gmail.com

This article analyzes the presentation of the Swiss orientalist and collector Henri Moser about the ethnography of the Bukhara oasis population. The main focus lands on his descriptions of clothing of the emirate's upper-class representatives, the items of armament and the palace etiquette during Emir Muzaffar's reign. The sources of the current research were photographs and essays of H. Moser, the catalogs of exhibits from the oriental collection in the Bern Historical Museum. The analysis of H. Moser's work leads to uncover certain features in the transformation of Bukhara Emir's view on the wearing clothes which were considered luxurious at the time. The paper also reveals the features of the Uzbek-Tajik cultural symbiosis, which is reflected in the terminology that denoted items of clothing and weapons in the Bukhara oasis.

Keywords: Bukhara, clothing, material culture, weapons, museum collections, orientalism.

For citation: Gafforova D.Kh. Odezhdа i predmety vooruzheniya naseleniya Bukharskogo oazisa vo vtoroy polovine XIX veka v predstavleniyakh Anri Mozera [Clothing and Weapons of the Bukhara Oasis Population in the Second Half of the 19th Century in the Representations of Henry Moser]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 82–95. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.82-95>

REFERENCES

Abashin S.N. “Sarty – narod s budushchim”: etnografiya i imperiya v russkom Turkestane [The Sarts – a Nation with the Future]. *Orientalizm vs. Orientalistika*. Moscow, Sadra Publ., 2016, pp. 207–234. (In Russian)

Anan'ev E.G. *Istoriya zarubezhnoy muzeologii. Idei, lyudi, instituty* [History of Foreign Museology. Ideas, People, Institutions]. Moscow, 2018. (In Russian)

Atanova S. *Anri Mozer. V krayu Turkmen* [In the Region of the Turkmen] (Henri Moser, Le pays des Turcomans) partially taken from the book of “... Le Pays des Turcoman...”. (In Russian) Available at: <https://www.caa-network.org/archives/19270> (Accessed 25.02.2020).

Balsiger R.N., Kläy E.J. *Bei Schah, Emir und Khan: Henri Moser Charlottenfels, 1844–1923*. Meier Verlag Schaffhausen, 1992. (In German)

Gorshenina S. *Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart*. Genève, Olizane, 2003. (In French)

Gorshenina S. *The Private Collections of Russian Turkestan*. Berlin, 2004. (In English)

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

Holzwarth W. Bukharan Armies and Uzbek Military Power, 1670–1870: coping with the legacy of a nomadic conquest. Franz, Kurt; Wolfgang Holzwarth (eds.), *Nomadic Military Power: Iran and adjacent areas in the Islamic period*. Wiesbaden: Reichert, 2015. (In English)

Kaufmann K. Samarkand in der Bundeshauptstadt – ein Ausstellungssaal im neoturmidischen Stil für die Sammlung Henri Mosers im Bernischen Historischen Museum. Francine Giese, Leïla el-Wakil und Ariane Varela Braga (Hrsg.), *Der Orient in der Schweiz. Neo-islamische Architektur und Interieurs des 19. und 20. Jahrhunderts / L'Orient en Suisse. Architecture et intérieurs néo-islamiques des 19e et 20e siècles*, Berlin, 2019, S. 142–162. (In German)

Malikov A.M. Prazdnovanie Navruza v Bukhare i Samarkande v ritual'noy praktike i obshchestvennykh diskursakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Celebration of Nawruz in Bukhara and Samarkand in Ritual Practice and Social Discourse (from Late 19th to Early 20th Century)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2020, vol. 48, no. 2, pp. 122–129. (In Russian)

Malikov A.M. *Tyurkskie etnonimy i etnotoponimy doliny Zerafshana (XVIII – nachalo XX v.)* [Turk Ethnonyms and Ethnotoponyms of Zerafshan Valley (18th to Early 20th Century)]. Tashkent, Mukharrir Publ., 2018. (In Russian)

Nayt N. O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: a Reply to Adib Khalid]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Antologiya*. Moscow, Novoe Publ., 2005, pp. 324–344. (In Russian)

Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii vostoka* [Orientalism. The Western Concepts of the Eastern World]. Moscow, 2006. (In Russian)

Sidikov B. *“Eine unermessliche Region” Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914)*. Berlin, 2003. (In German)

Tilley C. *Interpreting material culture in Interpreting Objects and Collections*. Edited by Susan M.P. London and New York, 1994. (In English)

Tol'ts V. *“Sobstvennyy Vostok Rossii”*. *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [“Private East of Russia”. Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. (In Russian)

Uyama T. Mutual relations and perceptions of Russians and Central Asians: preliminary notes for comparative imperial studies in Empire and after: essays. *Comparative imperial and decolonization studies*. Edited by Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2012, pp. 15–21. (In English)

Zeller R. *Führer durch die orientalische Sammlung von H. Moser-Charlottenfels und die Völkerkundliche Abteilung des Bernischen historischen Museums*. Bern, 1923. (In German)

Zeller R. *Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog*. Bern, 1932. (In German)

About the author: Dilbar Kh. Gafforova, Master's Degree (History), independent researcher (Tashkent, Uzbekistan); d.gafforova41@gmail.com

Received September 23, 2020

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021